

За рубежом, на верхнем этаже офиса Группы компаний «Цзин», в зале для совещаний царила гнетущая атмосфера.

За огромным круглым столом яблоку негде было упасть. Воздух казался наэлектризованным от столкновения цифр и стратегий. После серии изнурительных переговоров лица присутствующих осунулись от усталости, и лишь женщина во главе стола по-прежнему сидела с идеально прямой спиной, сохраняя ледяное спокойствие.

Цзин Мяои только что закончила обсуждение последних ключевых условий сделки с технологической компанией «Е».

Она закрыла папку с документами и слегка постучала кончиками пальцев по гладкой поверхности стола. Четкий звук стал финальной точкой в этом затянувшемся совещании.

— На сегодня закончим.

Ее холодный голос звучал негромко, но в нем сквозила непререкаемая власть.

Присутствующие с облегчением выдохнули. Зашуршали бумаги, послышался приглушенный шепот, и люди потянулись к выходу.

Цзин Мяои не шелохнулась.

Она сидела неподвижно, глядя в окно на линию горизонта чужого города. Последние лучи заходящего солнца окрасили ее безупречный профиль в темно-золотистые тона, но этот свет не мог растопить врожденную холодность, застывшую в ее чертах.

Помощник Ван бесшумно подошел к ней и осторожно поставил рядом чашку только что заваренного черного кофе. На его лице промелькнуло едва заметное колебание.

— Госпожа Цзин, — голос помощника был настолько тихим, что услышать его могли только они двое, — из страны... поступили новости.

Цзин Мяои грациозно взяла чашку. Даже ее ресницы не дрогнули, она лишь издала едва слышный звук, показывая, что слушает.

Помощник Ван глубоко вдохнул, стараясь придать голосу максимально деловой тон, лишенный личных эмоций:

— Это касается госпожи Гу. Она... по всей видимости, встречается с молодым господином Лин Яо из корпорации Лин.

Слово «встречается» он произнес с особой осторожностью.

В одно мгновение в конференц-зале словно замер воздух.

Рука Цзин Мяои, державшая чашку, застыла в воздухе.

Ее тонкие, изящные пальцы с отчетливыми суставами сжимали именную перьевую ручку. Кончик пера завис над документом, готовый оставить подпись, и капля чернил, собравшаяся на острие, едва не сорвалась вниз.

Помощник Ван отчетливо увидел, как твердая, словно скала, рука едва заметно... дрогнула.

Всего лишь на мгновение, так коротко, что это могло показаться игрой воображения.

Следом перо опустилось, и на бумаге легла привычная, резкая и изящная подпись: «Цзин Мяои».

Три иероглифа, выведенные одним росчерком, ничем не отличались от тех, что она ставила всегда.

Она отложила ручку и сделала маленький глоток кофе. На языке разлилась густая горечь, но она, казалось, ее не почувствовала.

— Ясно.

Одно слово, спокойное, как гладь озера, — даже холоднее, чем когда она объявляла об окончании совещания.

Ни вопросов, ни сомнений, ни малейшего намека на смену настроения.

Помощник Ван слегка поклонился и, не говоря больше ни слова, бесшумно вышел из зала, плотно прикрыв за собой дверь.

В огромном пространстве Цзин Мяои осталась одна.

На полу растянулись длинные тени от заходящего солнца. В тишине не было слышно ни звука.

Она продолжала сидеть в прежней позе, глядя в окно, но в глубине ее холодных, прозрачных глаз что-то начало стремительно оседать и замерзать.

Словно на поверхности спокойного моря, под которой скрывались бурные течения, готовые шторм, способный поглотить всё на своем пути.

Минуты тянулись одна за другой.

Она не шевелилась.

Лишь когда небо за окном окончательно потемнело и в городе одна за другой зажглись неоновые огни, отражаясь в ее глазах мерцающими бликами, она наконец медленно, очень медленно поставила остывший кофе на стол.

Ее взгляд оторвался от далекого горизонта и опустился на лежащую на столе ручку.

Черная, выполненная из редкого материала, эта вещь была уникальной работой мастера, стоила целое состояние и служила символом статуса Цзин Мяои.

Она протянула руку и коснулась кончиками пальцев холодного корпуса.

Затем сжала ладонь.

Сначала — совсем слегка.

Но постепенно ее костяшки побелели, а хватка стала неконтролируемо сильной.

Невероятно прочная ручка издала в ее ладони едва слышный, неприятный для слуха хруст.

Тонкая трещина, подобно черной молнии, пролегла по гладкому корпусу.

От зажима она змеилась вниз, разрушая безупречность изделия, хотя ручка еще не сломалась окончательно.

На лице женщины по-прежнему не дрогнул ни один мускул.

Ни гнева, ни ревности, ни малейшего волнения.

Будто ручка, принимавшая в ее ладони разрушительную силу, не имела к ней никакого отношения.

Лишь глубокие, бездонные глаза становились все темнее, пока не превратились в чистую, поглощающую свет тьму.

В этот момент в тишине внезапно раздался звонок внутреннего телефона.

Резкий звук разорвал удушливое безмолвие.

Цзин Мяои разжала руку.

Треснувшая ручка была небрежно брошена на стол, словно ненужный мусор.

Она подняла трубку, и через фильтры аппаратуры ее голос прозвучал с безупречным, ледяным спокойствием:

— Сестра Сюэин, мне нужны все отчеты по финансовому аудиту корпорации Лин за прошлый квартал.

Никаких любезностей или объяснений — только прямой приказ.

На том конце провода Цзин Сюэин, казалось, не была удивлена и лишь спокойно уточнила:

— Все? Включая неопубликованные внутренние оценки?

— Все, — повторила Цзин Мяои, тоном, словно обсуждала погоду. — Чем подробнее, тем лучше.

— Поняла, приступаю немедленно.

Разговор был окончен.

Цзин Мяои положила трубку и откинулась на спинку кресла, скрывшись в тени.

Она подняла руку и провела подушечками пальцев по трещине на ручке — раз, другой.

Движения были мягкими, а взгляд — пугающе холодным.

За окном сияли огни чужого города.

Внутри комнаты она в одиночку строила свое безмолвное поле битвы.

Лин Яо?

Встречаются?

Она слегка изогнула губы в улыбке. Эта едва заметная дуга была лишена тепла, в ней сквозила высокомерная, почти жестокая насмешка.

Гу Чуюй.

Кажется, ты забыла.

Я позволяла тебе капризничать, позволяла творить глупости, позволяла вести себя как угодно в мире, который я для тебя очертила.

Но я никогда не позволяла...

Тебе уходить к другим.

Ни на шаг. Ни на йоту.

Картина звездного неба, написанная для тебя, до сих пор висит в кабинете.

Там, где она простирается, — весь твой мир.

И тебе никогда, никогда из него не выбраться.

Ее глаза, темные, как ночь, пылали безумием, способным сжечь всё дотла.

<http://bllate.org/book/19581/1920145>